

В. В. ШИЛОВ

«Бывают странные сближенья...»: Михаил Булгаков и Владимир Маяковский*

Когда в начале 1960-х годов перед пораженной советской читающей публикой начала вырастать во всем своем истинном масштабе фигура забытого писателя Михаила Булгакова, впечатление оказалось крайне сильным. Игнорировать новое явление было невозможно, так что по обычаю того времени потребовалось определить ему место в давно устоявшейся иерархии пантеона советских литературных богов. Оставаясь в старой системе координат, и либералы, и консерваторы стали сопоставлять его с «фигурами» (одни со знаком «плюс», а другие со знаком «минус»).

С кем конкретно? Разумеется, в первую очередь с богами первого разряда. С Максимом Горьким. Точнее, не сопоставлять, не сравнивать (это было недопустимо!) — у Горького можно было только брать слова одобрения в адрес Булгакова. Тем более что основоположник соцреализма и в самом деле какие-то хвалебные слова о Михаиле Афанасьевиче произносил (другое дело, что такие же — и даже куда более лестные — слова он адресовал едва ли не каждому тиснувшему пару строк графману...). С Шолоховым. Здесь можно было с одобрением говорить о том, что оба писали о гражданской войне, и даже аккуратно сравнивать — пусть и не в пользу Булгакова. Далее шли уже «святые» рангом пониже: Алексей Толстой, Серафимович и др. (сегодня это звучит странно, но сорок лет назад Булгакова действительно сравнивали с Серафимовичем). Вставить Булгакова в ряд этих великих, выдающихся и просто крупных

---

* Впервые: Шилов В. В. «Бывают странные сближенья...»: Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // Жизнь и творчество Михаила Булгакова в современном восприятии: Материалы Второй апрельской ежегодной научной конференции. М.: Музей М. А. Булгакова, 2014. С. 56–64.

советских писателей (хотя бы и левофланговым — по росту, конечно, а не по политическим взглядам!) означало повысить его статус, представить его человеком и писателем «советским» и тем самым вроде бы сделать благое дело. Хотя доходило до нелепостей. Так, К. Рудницкий писал в 1966 году, что «И Маяковский, и Вишневский... и Булгаков были одушевлены общей яростью, ненавистью к псевдополитической “вампуке”, к опошленной и рафинированной “агитке”, к глупому и капризному произволу облеченных властью пустозвонов и невежественных “законодателей” эстетических вкусов»¹. Конечно, писалось это с самыми благородными намерениями, но представить себе яростного Булгакова, сражающегося плечом к плечу с яростным Вишневским... да хотя бы и с Маяковским.

Потом, по мере привыкания литературного и партийного начальства к новому имени, постепенно — и поначалу очень осторожно — параллели стали проводить уже с великими русскими классиками: Гоголь, Щедрин, Толстой, Чехов. Это было и безопасно, поскольку лишний раз показывало великую всепроникающую силу отечественной классики, и полезно, ибо в свою очередь повышало статусность самого Булгакова (зато сегодня мы наблюдаем зеркальную ситуацию: многие с усердием не по разуму пытаются вписать Булгакова в массовую и даже едва ли не в бульварную литературу!).

И, разумеется, Маяковский — лучший поэт эпохи, верный солдат партии. Это направление также начало разрабатываться одним из первых, и, пожалуй, именно о творческих и личных пересечениях Булгакова с Маяковским написано больше всего².

¹ Рудницкий К. Михаил Булгаков // Вопросы театра. М., 1966. С. 137.

² См., например: Яновская Л. Забытый репортаж: О выступлении В. Маяковского // Вопросы литературы. 1978. № 6. С. 311–314; Петровский М. Михаил Булгаков и Владимир Маяковский // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 369–391; Петров В. Б. Типологические сходства в комедиях В. Маяковского и М. Булгакова двадцатых годов // Поэтика советской литературы двадцатых годов. Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1989. С. 98–112; Неводов Ю. Б. Маяковский и Булгаков: (Спор о драме и уроки полемики) // Литературные традиции в поэтике Михаила Булгакова. Межвуз. сб. научн. тр. Куйбышев, 1990. С. 43–59; Киселев Н. Н. М. Булгаков и В. Маяковский («Багровый остров» и «Баня») // Творчество Михаила Булгакова: сб. статей. Томск, 1991. С. 139–156; Яблоков Е. А. Они сошлись // Михаил Булгаков и Владимир Маяковский. Диалог сатириков. М., 1994. С. 5–56; Головчинер В. Е. В споре рождается. (О взаимодействии драматургических принципов В. Маяковского и М. Булгакова) // Вест. Томск. гос. пед. ун. 1997. Вып. 6 (15). Гуманитарные науки (филология). С. 41–48; Черкашина М. Смерть «крикогубого Заратустры» (Версия гибели Маяковского в преломлении булгаковского романа) // Круг Булгакова. М., 2006. С. 7–26. И это лишь малая часть написанного.

Как взаимоотношения двух писателей (хотя личные контакты между ними, кажется, ограничились встречами за бильярдным столом — сколько их было, сказать невозможно, но едва ли много), так и их отношение к творчеству друг друга давно рассмотрены булгаковедами. Некоторые их выводы представляются сомнительными («Маяковский, вне сомнений, был одним из прототипов образа Воланда»³), со многими же не только можно, но и нужно согласиться. Например, с тем, что многочисленные взаимные выпады и в художественных произведениях (с обеих сторон), и в публицистике (по понятным причинам лишь с одной стороны) действительно свидетельствуют об остром и пристрастном интересе Булгакова и Маяковского друг к другу.

Однако о природе и характере этого интереса никто из авторов практически не размышляет («...значительным — и еще не осмысленным достаточно глубоко и полно — представляется интерес Булгакова к Маяковскому», замечает один из исследователей⁴). Впрочем, в том, что касается Маяковского, все более или менее понятно. Ограниченность его черно-белого (точнее, красно-белого) мышления сегодня вполне очевидна и едва ли может быть опровергнута. Интерес Маяковского к Булгакову питали и поддерживали исключительно идеологические причины. «Кто не с нами, тот против нас», «...его уничтожают» — он, думается, с удовольствием подписался бы под этими максимами. Булгаков же был если и не явным классовым врагом, то уж никак не меньше, чем его прямым пособником. А с такими надлежало разговаривать только языком оружия. «Пули погуще по оробелым» — призывал поэт революции, но ведь оробелые — это растерявшиеся «свои». Что уж говорить о «чужих»! Тут в самую пору чапаевский «максим». И ведь когда наводишь свой парабеллум на цель, едва ли можно заинтересоваться личностью одного из сливающихся в единую массу врагов...

А уж об эстетике говорить вообще не приходится. Маяковский не мог признавать за сочинениями Булгакова какой-либо художественной значимости и ценности. «Замшелые» мхатовские «дяди Вани и тети Мани» были ему отвратительны. Впрочем, и Булгаков относился к новаторству Маяковского и его соратников по революционному искусству весьма скептически. Его выпады в адрес Мейерхольда хорошо известны. Да и едкая реплика Шарика в «Собачем сердце»: «Нигде

³ Белобровцева И., Кульюс С. История с великими писателями: Пушкин — Гоголь — Булгаков // Пушкинские чтения в Тарту, 2. Тарту, 2000. С. 265.

⁴ Чжон Мак Лэ. К вопросу о жанровой структуре романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русская литература. 1998. № 4. С. 45.

кроме, как в Моссельпроме...» — ясно говорит об отношении Михаила Афанасьевича к творчеству «агитатора, горлана, главаря».

А вот яркая личность Владимира Маяковского его не могла не интересовать. Еще в самом начале двадцатых годов в «Записках на манжетах» Булгаков дал волю иронии и сарказму, рисуя воображаемый портрет успешного поэта Маяковского. Разумеется, при желании их легко можно списать на вполне объяснимую зависть маргинала к процветающему коллеге по перу. Но скорее это была первая попытка примерить на себя его опыт: а я бы смог так же? И попытка осмыслить: а какой может быть плата за успех? Спустя несколько лет в репортаже «Бенефис лорда Керзона» мы видим портрет, уже нарисованный с натуры: «...Маяковский, раскрыв свой чудовищный квадратный рот, бухал над толпой надтреснутым басом <...> Маяковский все выбрасывал тяжелые, как булыжники, слова»⁵. Сам выбор слов заставляет не согласиться с Л. Яновской, увидевшей в булгаковской зарисовке не «сатирическую», а «монументальную картину»⁶. Это скорее монументальная сатира!

Дальнейшие размышления писателя над жизненным поведением поэта, кажется, отразились в пьесе «Кабала святош», написанной в октябре-декабре 1929 года. Часто пишут об автобиографичности образа Мольера. Она несомненна, однако монолог Мольера в четвертом действии:

Всю жизнь я ему лизал шпоры и думал только одно: не раздави. И вот все-таки — раздавил. Тиран! <...> За что? Понимаешь, я сегодня утром спрашиваю его — за что? Не понимаю... Я ему говорю: я, ваше величество, ненавижу такие поступки, я протестую, я оскорблен, ваше величество, извольте объяснить... Извольте... я, быть может, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал?.. Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер?.. <...> Что еще я должен сделать, чтобы доказать, что я червь?⁷ —

едва ли можно назвать навешанными обстоятельствами жизни и творчества Булгакова, никогда и никому не льстившему и ничьих шпор не лизавшему. А вот из уст Маяковского, к тому времени все более ощущавшего себя незаслуженно обиженным властью, которой он так преданно служил, эти слова вполне могли прозвучать.

И, кажется, никто не обратил внимания на то, что стихи Мольера в первом действии:

---

⁵ Булгаков М. А. Бенефис лорда Керзона // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1995. Т. 1. С. 266.

⁶ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М., 2002. С. 154.

⁷ Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. СПб., 1994. С. 57.

Вы несете для нас королевское бремя.
 Я — комедиант — ничтожная роль.
 Но я славен уж тем, что играл в твоё время,
 Людовик!..
 Великий!! (Повышает голос.)
 Французский!! (Кричит.)
 Король!!
 (Бросает шляпу в воздух.)⁸

это несомненная пародия на многочисленные здравицы Владимира Владимировича как конкретным вождям, так и советской власти в целом. Запишем их лесенкой, прочтем в соответствующей манере — и прототип творца верноподданных вирш становится более чем очевиден:

Вы несете
                   для нас
   королевское бремя.
 Я —
                   комедиант —
   ничтожная роль.
 Но я славен
                   уж тем,
   что играл
   в твоё время,
 Людовик!..
                   Великий!!.
   Французский!!.
   Король!!.

(Здесь, несомненно, следует отметить соображения М. Чудаковой о зарождении у Булгакова замысла «Кабалы святош» в связи с обстоятельствами последнего года жизни Маяковского⁹.) Похоже, что для Булгакова творчество и общественная деятельность Маяковского — одна из возможных моделей поведения писателя в условиях советской власти. Модель жизни — яркой, для многих привлекательной и многих соблазлившей, далеко не ординарной. Но в то же время модель экстремальная, требующая от человека безоглядного служения (переходящего в услужение и прислуживание) большевистскому режиму, его идеологии и практике. И в этой службе нет и не должно быть ни моральных ограничений, ни нравственных колебаний. Кажется, записи в булгаковском дневнике

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 325–327.

о Демьяне Бедном или Алексее Толстом («Я теперь не Алексей Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов»¹⁰) автор мог бы не в меньшей степени отнести к Маяковскому. Модель эта совершенно неприемлема для человека с булгаковским представлением о чести. И Михаил Афанасьевич Булгаков всей своей жизнью, всем творчеством показал, что он отвергает ее. И тем не менее за Маяковским он внимательно наблюдал...

Сегодня нередко звучат заявления о едва ли не «мещанстве» Булгакова. Ему ставят в вину стремление к бытовому комфорту, материальному благополучию. Это, конечно, нелепо (при том, что те же обвинители обычно восторгаются и Алексеем Толстым, и Максимом Горьким), ведь для Булгакова оно никогда не было ни целью, ни тем более самоцелью. В его представлении это — всего лишь «норма», необходимое условие для жизни и творчества.

В то же время понятно, что роскошная по тому времени жизнь Маяковского — непрерывные издания и переиздания книг, огромные гонорары, поездки за границу, личный автомобиль и т.д. — не могли не привлекать внимания Булгакова. Он видел, что должен делать писатель, дабы получить все это. И, возможно, еще сильнее не желал себе именно такой судьбы. Поэт задавался вопросом: «делать жизнь с кого» (сегодня многие не помнят, что правильный ответ — «с Дзержинского»), а Булгаков, похоже, именно потому так пристрастно к поэту присматривался, чтобы жизнь с него не делать...

Самоубийство Маяковского произвело на современников сильнейшее впечатление. Сильнейшее впечатление произвела эта трагедия и на Булгакова. Не случайно он счел необходимым присутствовать на похоронах Маяковского (а, скажем, четыре года спустя на вопрос, хоронил ли он Багрицкого, Булгаков совершенно искренне ответил вопросом: «А кто такой Багрицкий?»). Невозможно не согласиться с теми исследователями, которые полагают, что именно самоубийство Маяковского побудило Сталина сделать телефонный звонок М. Булгакову, сыгравший столь важную (и столь неоднозначную) роль в дальнейшей жизни писателя. Но, думается, не менее важную роль гибель Маяковского имела и для дальнейших размышлений Булгакова «о времени и о себе». Он не мог не задумываться о причинах, приведших поэта к роковому шагу, и сомневался в том, что дело лишь в разбившейся о быт любовной лодке. Спустя полгода Булгаков размышлял (в совсем не характерной для себя стихотворной форме):

Почему твоя лодка брошена
Раньше времени на причал?

---

¹⁰ Булгаков М. Дневник. Письма. 1914–1940. М., 1997. С. 76.

Многие, даже из числа поэту революции не симпатизировавших, стали задумываться, насколько публичный Маяковский совпадал с Маяковским, невидимым публике. Например, бедствовавший в Крыму Александр Грин говорил: «Что-то просмотрел я в этом человеке. Тот извозчик в поэзии, который виделся мне в его лице, не смог бы покончить самоубийством. Значит, была в душе рана, боль, скрывал ее под буйством слов и не выдержал борьбы этой»¹¹. Несомненно, Булгаков тоже пытался, оглядываясь назад, обнаружить нечто подобное.

Так или иначе, нет никаких свидетельств того, что в глазах Булгакова личность Маяковского выросла и стала значительнее. Ведь самоубийство может быть расценено и как проявление силы духа, последний аргумент несломленного борца, и как проявление слабости полностью раздавленного человека. Как акт протеста человека, понявшего, что он потратил годы на недостойное дело. Но и как результат обиды — не оценили верного слугу, так получите.

В представлении Булгакова Маяковский всегда оставался фаворитом власти, а расхождения во взглядах внутри правящей камарильи со стороны (тем более снизу) не представлялись такими уж существенными и значимыми. Скажем, для гонимого Мандельштама в это время сам Булгаков по степени «официальности» практически сливался с Маяковским¹² (что, в общем-то, и понятно: изгою тяжело объективно оценить степень чужого благополучия, пусть даже и относительного). Поэтому самоубийство приближенного к власти и обласканного ею Маяковского могло лишь укрепить Булгакова в его убеждении — душу дьяволу продавать нельзя.

Л. Яновская как-то раз написала: «Булгакову было очень плохо на рубеже 20-х и 30-х годов. Но, думаю, Маяковскому было еще хуже»¹³. Эта фраза потрясает, нет, скорее просто приводит в шоковое состояние. Обложенный со всех сторон, как волк красными флажками, Булгаков, все пьесы которого сняты со сцены и ни одна строка не допускается в печать. И Маяковский, которого первый раз в жизни не выпустили в Париж... Его чувства — это скорее недоумение и обида верного Руслана, не понимающего, за что хозяин, которому он всегда лизал сапог, вдруг этим же сапогом его пнул. А впрочем, может быть, это и в самом деле хуже, но совсем не в том смысле, который подразумевает Л. Яновская.

И в любом случае творчество Маяковского после его смерти в глазах Булгакова едва ли выросло, а его пафос остался ему столь же чуждым.

¹¹ Варламов А. Александр Грин. М., 2005. (Жизнь замечательных людей. Вып. 919). С. 241.

¹² Волгин И. Не удостоенные света // Октябрь. 1992. № 7. С. 141.

¹³ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М., 2002. С. 156.

14 января 1940 года Булгакова посетил друг Маяковского Николай Асеев. Он читал отрывки из своей новой поэмы «Маяковский начинается», и Елена Сергеевна сделала в последней записной книжке мужа карандашную запись: «Маяковского прочесть как следует»¹⁴. Эти слова, продиктованные умирающим писателем, некоторыми исследователями трактуются сегодня то как долгожданное пробуждение интереса к творчеству поэта, а то чуть ли не как запоздалое примирение с бывшим противником (кстати, та же Л. Яновская пишет, что когда прочитавший пьесы Булгакова Асеев сравнил «Ивана Васильевича» с «Баней», Елена Сергеевна отозвалась на это саркастической записью в своей тетради: «Высшая похвала!»¹⁵).

Едва ли такие трактовки справедливы. Больной, умирающий человек услышал чтение стихов Асеевым, другом Маяковского. Поэма более чем апологетическая, а чтение несомненно эмоциональное, чувствительное. Вот, возможно, и подумалось Булгакову — а вдруг я чего-то не понимал, вдруг у него был талант, а не только лизоблюдство? Надо бы проверить... Прочесть как следует.

Прочесть сочинения поэта Булгакову суждено уже не было. Но, думается, даже если бы это и случилось, то он просто лишний раз убедился бы в том, что в своем отношении к творчеству Маяковского был прав.

---

¹⁴ Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 37. М., 1976. С. 138.

¹⁵ Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М., 2002. С. 221.